

Владимир Имакаев

Парадиз

Книга
первая

Тайны
прошлого

ХРИСТОФОР
Издательский Дом

Владимир Имакаев

Парадиз. Книга первая: Тайны прошлого. — СПб.: Издательский Дом «Христофор», 2006. — 448 с.

ISBN 5-8445-0116-0

© В. В. Имакаев, 2006.

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2006.

Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Огромная благодарность Творцу, что вложил свой дар
и помог закончить начатое.

Большую поддержку оказали жена НАТАЛЬЯ, брат ШУРИК,
который был первым читателем, и мой друг ИВАН
ЧЕРКАШИН, который не боялся сказать правду в глаза
и взял на себя роль критика и редактора.

Также спасибо всем, кто верил и поддерживал меня
в трудные минуты.

И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей.

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Библия. Книга Бытие

Пролог

Жаркий вечер казался бесконечным. Хотя солнце уже скрылось за горизонтом, небо еще полыхало алыми цветами.

Дни становились еще жарче, и не было никакой пощады для тех, кто, оставив свой дом, приехал в страну песков и засухи. Пожилой седоусый путник сидел на раскаленном песке и пытался выдавить из железной фляги еще хотя бы пару капель воды. Хотя он уже практически ничего не хотел: ни есть, ни пить, и даже то, ради чего он сюда отправился с группой исследователей, казалось ему большой нелепостью. Единственным его желанием было уснуть и проснуться в родной Англии. Там, где нет песчаных бурь, а лишь родные сердцу густые туманы.

Он мечтал, как придет домой, проспип целую неделю, а всю следующую будет одиноко бродить по улицам Лондона, пропитываясь влагой туманов. Он навестит сестру, которую долго не мог простить, хотя неоднократно учил свою маленькую общину умению прощать. А спустя месяц он снова вернется за кафедрой, полный сил и решимости изменить мир, доказывая, что так называемый «сборник мифов и легенд» указывает на реальные события и является подлинным Словом Самого Бога.

Он уже собрал немало доказательств, и теперь старый фотоаппарат хранит множество ценных кадров. Этот страдалец продолжал сидеть на песке, окруженный снующими туда-сюда скорпионами, и грезил о том, как его фото попадут в самые известные газеты Англии, а затем и всего мира. Тогда земля откроет глаза, и все поймут, как глубоко они заблуждались.

— Сэр, мы установили вам шатер.

— Ах, да-да! — вынырнул из фантазий и грез седоусый священник.

— Мои люди принесли мехи с водой, желаете помыться? — Над ним стоял высокий плечистый мужчина, который услужливым тоном говорил на чистом английском языке.

О такой роскоши пожилой исследователь и не мечтал. Он снова удивился — странный этот человек, которого он встретил неделю назад в этой забытой Богом земле. Словно ангел-хранитель, сошедший с небес со своими тремя друзьями, он оказался рядом, чтобы охранять его в самый трудный час.

Ведь именно они помогли ему остаться в живых, когда вся остальная группа погибла. Все пятнадцать человек...

Как один миг в его памяти пронеслась прошедшая неделя. Вторник. Песчаная буря заживо похоронила двоих где-то в песках Ирака. Среда. Неожиданная гроза испепелила молнией еще троих. Четверг. Замышляя неладное, пятеро шли позади всех и были проглочены зыбучими песками. Пятница. От укуса странного насекомого почти мгновенно скончался еще один парень. А эта четверка пришедших из ниоткуда всегда была рядом с ним и будто охраняла его. В субботу последние оставшиеся в живых из его команды говорили, что это не люди, а демоны, которые охраняют тайны этих мест, и когда он поймет, будет уже поздно. В ту же ночь они заболели, и к рассвету лихорадка забрала их с этой грешной земли.

«А может, и правда, это не ангелы? Кто они, эти четыре загадочных странника? А вдруг они демоны или...»

Нет, это всего лишь его болезненное воображение и безысходность рисуют страшные картины...

Хотя, может, он так обезумел за последние месяцы, что утратил способность к различению добра и зла? Ведь он перестал молиться. Он стал одержим своей идеей. Или на него так влияет наступление нового, XX века?

«Надо пойти и помолиться! И все встанет на свои места».

Он напился принесенной ему воды, и хотя она показалась солоноватой, его жажда была настолько сильна, что будь это даже вода из болота, он все равно выпил бы ее. Потом он умылся, и затем, скинув одежду, попросил, чтобы его облили с головы до ног. Странный запах воды не мог заглушить наслаждения, которое он испытал, когда по его иссушенному телу побежали струйки живительной влаги.

«Но у воды действительно странный запах. Или это страшная паранойя бьет его? Безумие, которое стучит в висках, словно кто-то играет на ударных инструментах в голове».

Англичанин поклонился добрым странникам.

Несмотря на то, что нижняя часть лица была закрыта маской из прекрасного черного материала, пастор знал, что они улыбались. Он хотел было что-то спросить, но, почувствовав легкое недомогание, еще раз поблагодарил их и удалился в шатер, по дороге вытирая с уставшего тела остатки воды.

Пастор зашел в шатер и первым делом встал на колени. Он попытался произнести хотя бы слово, но не мог! Его язык, онемев, перестал подчиняться.

Он силился что-то сказать, но во рту начало жечь, словно там поселился рой пчел, который ежесекундно жалил все снова и снова. Несчастный повалился на пол от безумной боли и пополз к своему рюкзаку. Он достал маленькое зеркальце, к помощи которого прибегал только во время бритья.

Ужас охватил его! Еще не вытертое после умывания лицо было покрыто капельками алого цвета. Как он не понял сразу, что это была кровь, а не вода. Мысли в его голове понеслись сумасшедшим течением, перегоняя друг друга так быстро, что он успевал выхватывать только отрывки: «...кровь, а не вода», «...чья кровь?», «...ЗАЧЕМ?!», «...на помощь».

Он чувствовал, как этот «рой» опускается все глубже в желудок, покрывая кровавыми язвочками все на своем пути. «...Кровь — заражена», «...я сам виноват, не поверил остальным», «...кто эти люди, зачем им нужна наша гибель?» Проповедник, борясь со своими мыслями, наконец ухватился за наи-

более реальную и решительную из всех. Он схватил Библию одного из своих погибших друзей, которая случайно оказалась у него в рюкзаке в день гибели товарищей и была единственной памятью о нем. В издании был небольшой брак — отсутствовала вторая часть книги Судей и целая книга Руфь, вместо этого были только чистые листы, на которых владелец Библии писал письма самому себе, что-то вроде личного дневника. Раньше ему эта мысль казалась слегка дерзкой и даже богохульной, но теперь он понимал, что это единственный источник информации о том, что происходило и чего он не видел.

Старик хватался за каждое слово, ища, как ему казалось, спасения, но ничего, кроме фактов и описания находок, не было. Не теряя времени, он пролистал еще пару страниц и нашел тот день, когда их команда увеличилась на четыре человека. Пастор читал и не верил своим глазам. Как он был слеп, доверяя этим странным людям, которые даже ни разу не открыли своего лица, скрытого за тряпичной маской. Каким же глупым он оказался, говоря им обо всех своих планах и открывая секреты. Он был околдован, так о нем написал хозяин этого тайного дневника.

Но вот чистая страница, которая словно сама просила о том, чтобы на ней написали хотя бы пару слов. Он схватил карандаш и, борясь с болью, застрочил ломаными английскими буквами по странице.

Спустя двадцать минут в шатер вошел один из подручных черного главаря и посмотрел на уже мертвого пожилого англичанина. Лицо пастора было сильно искажено. Мертвые руки, покрытые маленькими язвами, крепко держали Библию в жваном переплете. А глаз не было вовсе.

— Все в порядке? — осведомился главарь.

— Да. Вот только...

— Что?

— Он умер с Библией в руках.

— Так и должно быть, он ведь священник! — и черный главарь расхохотался таким смехом, что сама пустыня вздрогнула

от страха. На смех прискакал черный поджарый и с алыми глазами арабский жеребец.

— Нам здесь больше нечего делать!

В один миг из небытия в руке незнакомца появился огненный факел. Всадник кинул его в шатер, и тот вспыхнул, словно лучина, брошенная на жаркие угли.

Откуда-то с востока поднялся внезапный ветер, поднимая пыль и песок огромной волной, которая поглотила четырех всадников.

Страшный хохот все дальше и дальше уходил на запад...

Тайна Парадиза была похоронена вместе с последним ее исследователем.

НОВИЧОК

Шли восьмидесятые...

Как часто мы сталкиваемся с тишиной в нашей жизни.

Буквально с самого рождения нас сопровождают различные звуки, но за ними неотступно следует тишина. Тишина холодная и загадочная. Хочется поторопить время в такие мгновения — в мгновенья, когда кажется, что сама жизнь остановилась, а время перешло в вечность. Старик бы сказал, что это все бред, и время летит так быстро, что сбиваешься со счета, даже не часов, а лет. А молодежи все кажется, что время издевается над ними, не давая вырасти из пеленок, шортиков и школьных парт.

Сегодня был именно такой день, когда в классе, наполненном тишиной, почти каждый второй ученик думал, скорее бы закончился только что начавшийся урок. Эта тишина прерывалась твердыми шагами по коридору, которые гулко отзывались в школьных стенах. Шаги директора спутать нельзя ни с чем, и кому как не десятиклассникам знать их.

А лето разрывало подростков на части. Сводило всех с ума. Пора было бы отдать власть сентябрю, но оно никак не унималось. Быстрее бы закончились уроки — и на озеро. Почитать того же Чехова на зеленой поляне было бы куда приятней, чем слушать, как о нем рассказывает эта старая литераторша.

— Она говорит о нем так, будто пила с ним чай на пару.

— Кто знает, сколько ей лет, может она и Пушкина нянчила...

— Кравченко хочет нам что-то рассказать, ведь так? — гневно проскрипела старушка.

— Знаете, Тамара Валентиновна, я просто проводила параллель между творчеством Пушкина и Чехова и сделала такое открытие...

— Расскажешь мне после уроков, а сейчас конспектируй и не мешай остальным. — «Ничего, я с тобой разберусь, несносная девчонка», — подумала старуха и продолжила диктовать.

— Иришка, ты просто молодец, — шепнул Коля, сосед по парте.

— Пиши, а то нас сейчас к директору отведут, там уже даже Пушкин не поможет...

Не успела она договорить, как дверь класса тихонько скрипнула, словно в унисон голосу Тамары Валентиновны, и в класс вошел директор вместе с молоденьким пареньком. По привычке, выработавшейся за долгие школьные годы, молодые комсомольцы все как один поднялись из-за парт, тем самым приветствуя директора и странного худощавого, с большими голубыми глазами парня.

— Здравствуйте, ребята, присаживайтесь. У меня хорошая новость. Ваш 10-А класс пополняется еще одним учеником. Знакомьтесь, это Краснов Виталий, он переехал в наш город со своими родителями из Ленинграда и выпускной класс доучится с вами.

По классу пронесся шум. Борис Сергеевич ожидал реакции ребят, когда говорил про Ленинград. Он и сам не мог взять в толк, почему этот парень со своей семьей переехал чуть ли не из столицы в обыкновенное украинское захолустье, которое обычно всех пугает своей нецивилизованностью и глушью. Отсюда по меньшей мере три часа до районного центра. «Все тайное когда-нибудь станет явным». С этой мыслью директор велел новичку занять место в классе:

— Ну что, присаживайся! Вон на четвертой парте есть свободное место.

— Спасибо, — сказал парень таким мягким и добрым голосом, что у Валентиновны глаза расширились раза в два. Ее поразила чистота этого «спасибо» — никакой фальши или наигранности.

— Ну ладно, извините, продолжайте урок, — директор исчез, напоследок скрипнув дверью.

— Ириска, Ириска, — послышался шепот с разных сторон.

— Сама знаю! — уверенно, но тихо произнесла она и в тот же миг быстро подставила ногу проходящему мимо новенькому. Виталик споткнулся и упал. Класс взорвался смехом.

— Кравченко Ирина, выйдите вон из класса!

— Тамара Валентиновна, я ведь ничего не сделала, он сам зацепился за мою сумку. — Она тут же повернулась к нему и, глядя прямо в глаза, сказала: — Прости, что я ее здесь оставила, ты не сильно ударился?

— Все в порядке, спасибо. — Парень встал, отряхнул колено и сел на место, которое ему указал директор.

— Ты видела его идиотскую улыбку и пороссячи глаза? — не унимался Коля.

— Закрой рот, а то я и тебя тресну, — сказала Ирина и продолжала делать вид, что интенсивно что-то пишет.

Тамару Валентиновну сменил химик, потом была скучная алгебра со своим не менее нудным преподавателем, и учебный день подошел к концу.

* * *

Возле небольшого озера в окружении камышей на подстилах загорали молодые люди, это было их излюбленное место, где они беззаботно болтали обо всем, что только приходило на ум. Им было все равно, что о них думают в городе, что говорят об этой группе в школе. Они друзья, и этим все сказано. Эту семерку никто не любил, да и сами они доброжелательностью не отличались. Им нравилось, как все набивались к ним в друзья, но они не собирались расширять пределы своего круга. Они

знали друг друга с первого класса, если не раньше. Теперь они вместе учатся, вместе отдыхают, уроки и те делают вместе. Они доверяют друг другу во всем и до последнего стоят за каждого из своих друзей, когда приходят проблемы. Они — счастливая семерка: пятеро парней и две девушки.

Они вовсе не считают себя молодыми и глупыми, как все вокруг, они элита среди молодежи этого города. И не было такого человека, который осмелился бы перейти им дорогу. У них было любимое место у озера — здесь нет ни шума школы, ни родителей, а только природа и друзья. Сейчас они по очереди читали Чехова...

— Стас! Ты что, уснул?! — крикнул один из парней.

— Нет! Нет! — встрепенувшись, забормотал Стас.

— Тогда продолжай читать, сейчас твоя очередь.

— А где мы остановились, а то я сбился?

Ребята разразились громким смехом. Через секунду наступила многозначительная тишина.

У всех на уме крутилось яркое и большое событие для этого маленького городка — НОВИЧОК! Каждый хотел поговорить об этом, но никто не решался начать разговор, зная к чему он в конце приведет.

Ленинградец — новый человек и еще не знаком с негласными уставами, царящими в их школе. Чью позицию займет он: союзника или жертвы?

Тот, кто не принимает законов «семерки», становится жертвой. Каждый, кто осмелился сделать шаг им наперекор, после «роковой встречи» навсегда оставался с нарушенной психикой.

— Ну а что вы, граждане... и гражданочки, — не выдержав, сказал Коля, изображая секретаря собрания, — думаете по поводу этого новенького? Как его?.. Виталий Краснов.

— А что там думать, простой парень, — пробормотал Стас, все еще имитируя сонный голос, но сразу проснувшийся из-за начатого разговора.

— Нет, не простой, а новичок, — процедил сквозь зубы пригревшийся на солнце Санек, самый крепкий и высокий из всех

ребят, из-за чего казался старше года на три, — и это резко меняет дело.

Опять наступила тишина. Каждый взвешивал слова, которые приходили на ум. Никто не хотел показать свою трусость и нерешительность, но брать на себя роль инициатора тоже никто не собирался. Первым не выдержал русоволосый парень, на которого в последнее время вся группа посматривала искоса, и, чтобы доказать, что он «их», заговорил, изображая задор.

— А ведь и вправду — давайте его испытаем? Мы давно уже не веселились!

— Тим! Вам мало было неприятностей с Танюхой-днепрянкой... — вступился Олег Адвокат (его фамилия говорила сама за себя). Он всегда хотел свести риск и зарождающиеся проблемы к минимуму. Он старался предостеречь своих друзей от ошибок.

— А, это та, что в прошлом году приезжала поступать в параллельный класс. — Коля рассмеялся мерзким смешком. — Я до сих пор помню ее лицо, когда она пришла на роковую встречу. — Он сделал особенное ударение на последние слова.

— Ага, — вставил Адвокат, — после этой встречи ее лечили полгода в психушке, объясняя, что не существует никаких...

— Хватит, Адвокат! — пресек Санек.

И снова воцарилась тишина.

— Ничего не хватит, мы же дали слово, что не будем этого больше делать. — Адвокат хотел как-нибудь повлиять на ход событий, но знал, что он всего лишь адвокат, а прокурор тут Коля. Да, у них было все по-настоящему: свой суд присяжных, обвинитель, защита и свой исполнитель приговора. Он не должен проиграть этот процесс. Для него дело совести защитить голубоглазого парнишку, на которого точат зуб.

— Мы дали слово, потому что не было больше новичков...

— Эй, Санек, не расписывайся за меня! — Стас не скрывал недовольства в словах. — Я тоже против того, чтобы мы возвращались к старому.

— Стас, ты что, струсил? Или ты решил предать всех? Что ты задумал? — открыто издевался Санек, выражая свое главенство. — Хотя что еще можно ожидать от сына предателя, только предательство!

Санек, как казалось, имел свой козырь на каждого из группы. Ходили слухи, что отец Стаса во время войны прислуживал немцам и доносил на партизанские отряды, но это были всего лишь слухи, которые больно ранили Стаса.

— Саша! — пытался остановить его Адвокат. — Следи за своими словами!

— Ну да, вы все тут святые, осталось только в рамочку поставить и в уголок повесить, и электричества не надо. А я один изверг лохматый, или вы забыли, как сами мстили своим Валеграм, — и он глянул в глаза Адвоката, — Наташам и Димам? — С этими словами он посмотрел на Стаса, который из последних сил сдерживал себя, чтобы не накинуться на Саньку с кулаками. Затем он перевел взгляд на загорающих девчат, которые, как ему показалось, не обращали внимания на происходившие события: — Светка, Ириска, чего вы молчите?

— Я сколько раз говорила, что меня зовут не Ириска, а Ирина, — она приподнялась с полотенца и взглядом, полным гнева, посмотрела в глаза Саньку.

— Да что на вас всех нашло? Вы еще покусайте друг друга, — попыталась разрядить обстановку Света. — Что вы словно с цепи сорвались? Было бы из-за кого. Худенький, тоненький, такой даже в школу, наверное, по ветру только ходит. Другое дело, когда Костю на место ставили. А тут что он вообще может против вас, балбесов, сделать. Тоже мне нашли равного соперника...

Опять наступила тишина, каждый пережевывал слова Светы. Видно было, что Адвокат зацвел и вот-вот начнет пахнуть. Стас успокоился. Коля вообще не понимал, что Света делает в их команде. Один Санек был похож на чайник, который вот-вот взорвется от распирающего его пара, если срочно что-нибудь не скажет. Ира же окинула всех взглядом некой знатной осо-

бы, потом улыбнулась и сказала, словно адресуя это не кому-то лично, а просто в никуда:

— Странно, что у Светы фамилия не Адвокат, хотя еще все впереди. А вообще-то мы еще не знаем, что он за человек, чтобы рисковать. Если он и вправду пай-мальчик, то пусть себе живет на здоровье, а если возникнут проблемы, тогда и поговорим.

— Вот и все! Умница Ира! Ну что, мальчики, еще есть вопросы? Если нет, то давайте дочитывать, а то Тамара завтра как всегда с нас опрос начнет, — быстро откликнулась Света.

— Ну что ж, — Санек был явно разочарован выводом Ирины, которая всегда поддерживала его, — не пройдет и недели, как вы будете умолять меня нарисовать очередного «веселого Роджера», вот тогда я буду умничать, делать глупый вид и строить глазки. Поверьте мне, так оно и будет!

Санек встал, схватил свои вещи и быстрым шагом направился в сторону дома. Через некоторое время он скрылся в калитках.

А возле озера опять наступила тишина.

* * *

Стук колес поезда ровной волной растекался по ночным полям Украины.

Скорый киевский поезд мчался все дальше от столицы, встречая на пути новые города и села.

В вагонах было тихо. Большинство пассажиров мирно отдышали. Не спали только дежурные и проводники, не до сна было людям, проматывающим деньги в вагоне-ресторане, не спал вор-карманник, который под видом заблудившегося пассажира бродил по вагонам, ища легкой добычи, еще несколько человек не покоились в объятиях сна. Один из них курил в тамбуре, женщина качивала на руках младенца, который, испуганный непривычной обстановкой, непрестанно плакал, не спал молодой мужчина, который стоял на коленях в своем купе и молился.

Не то чтобы это была молитва напоказ или определенный ритуал — нет! Он просто говорил из сердца, шепотом, куда-то в высоту или даже дальше...

«Спасибо, спасибо за все!» Мужчина повторял эту фразу почти каждые пять минут своей долгой молитвы.

Он с нетерпением ждал этой минуты, специально купив все четыре билета одного купе. Только Бог и он.

Улыбка не покидала его уст, глаза сияли каким-то огоньком счастья и удовлетворенности. Сколько ему пришлось перенести, чтобы сегодня радоваться этой новой победе. Еще вчера он не знал, как к нему отнесутся в Киеве, что о нем скажут, что подумают. Ведь он был для них НОВИЧКОМ...

Сколько он себя помнил в этой роли, ему всегда не везло. Сколько раз за свою жизнь ему приходилось быть новичком? Раз десять, не меньше. И всегда — укоры, подколки и косые взгляды. Как вести себя, чтобы не засмеяли, а еще чего хуже, не бросили вызов или объявили бойкот.

Но в этот раз все было иначе. События дня то и дело оживали в его памяти.

Конференция Объединения проходила в красивом и просторном зале. На него никто не тарачился, не тыкал пальцем и никто не кричал: «Смотрите — новичок!» Да и подножки никто не поставил. Все только похлопывали по плечу, произнося искренние пожелания и благословения. Мужчины и женщины, одетые в строгие костюмы, но с добрейшими лицами, — таков теперь круг его общения. Теперь и он их частичка. Он тоже пастор.

Пастор, это не сан и не чин, по крайней мере для него. Он так долго к этому шел...

И за это слава только Богу и больше никому. Но это не финиш. Не к этой цели он стремился. Пасторство — это тот старт, который поможет ему исполнить план Бога, особенный план для него и для его города.

Он достал из кармана билеты, чтобы удостовериться, не сон ли все это, может, он только еще едет в Киев. Нет — на всех

четырёх билетах было четко выбито уже вчерашнее число: сентябрь 1994 года.

* * *

К красивому зданию почти в центре города подъехал белый с серебряным отливом «мерседес». Из него вышли трое крепких парней, стиль одежды которых говорил о роде их занятий. Черный костюм и галстук, белоснежная рубашка, темные очки, рация, лакированные туфли и скрытая под пиджаком кобура. Чуть позже подъехал второй еще более шикарный и комфортный белый автомобиль. Из него вышли еще двое парней и с ними мужчина лет тридцати-тридцати пяти, но уже с легкой сединой в волосах. Он резко отличался от своих спутников. Никаких радиоприборов в ухе, обыкновенные очки-хамелеоны без всякого зрительного эффекта, белоснежный костюм и дипломат в руке.

Телохранители без всякой суеты, но быстро и осторожно сопроводили его к входу, применив специальную тактику, продвинулись вперед и вошли в здание, на дверях которого красовалась позолоченная надпись:

Офис и администрация
Церкви
«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

В прихожей было много людей. Все куда-то спешили, что свидетельствовало о том, что жизнь после праздников вошла в свое русло и работа закипела. Каждый считал за честь поздравить пастора, который как всегда грандиозно выглядел в белом костюме, с Новым, 2001 годом. К нему подбежала женщина из бухгалтерии с бумагами на подпись. Следом за ней молодой парень сунул пригласительный на праздничную молодежную вечеринку, на которую должны прийти по меньшей мере пять тысяч верующих этого города и тысяч тридцать из других горо-

дов и стран. Пастор взял пригласительный, похлопал парня по плечу и пообещал приложить максимум усилий, чтобы прийти на праздник. На очереди была супружеская пара, отвечающая за школу, которая существовала на базе церкви. Пастор пригласил их в офис поговорить подробнее. Подошел служитель благотворительности, спеша сообщить, что праздничные пайки готовы, меню на благотворительный вечер составлено, нужны только подписи для бухгалтерии.

Поток сотрудников, требующих к себе внимания, был нескончаем, но время уже поджимало. Проповедник зашел в лифт и доехал до седьмого, верхнего, этажа здания, где находился его офис и конференц-зал. Как только двери лифта открылись, он сразу увидел доброе, но почему-то бледное и сильно взволнованное лицо своего секретаря.

— Как хорошо! Вы успели!

— А разве я когда-нибудь опаздывал? — с иронией ответил он.

— Нет, но сегодня вполне могли.

— Алена, я не мог бы упустить этого шанса. Они уже там? — кивком головы он указал в сторону конференц-зала.

— Да! Идите! Они тут минут десять, а успели выпить по две чашки кофе, нервничают! — сделала девушка вывод.

— Тогда сделай еще по третьей. Как я выгляжу? — пастор провел рукой по волосам, поправляя их.

— Потрясно, шеф! Идите, я буду молиться! С Богом!

— Ну, с Богом! — Резким движением он распахнул дверь и вошел в большой зал. Комната была наполнена журналистами с эмблемами разных газет и телеканалов, которые пестрели на их костюмах. Не каждый день в их город приезжают ученые мирового уровня. За главным столом сидели четыре бородатых профессора и попивали кофе. Их лица выражали явное недовольство всей этой корреспондентской массой.

— Доброе утро! — почти в один голос проговорили они. И как по команде с разных сторон стали слепить фотовспышки, а на видеокамерах загорелись маленькие красные лампочки.

— Мир вам! — Пастор поднял руку вверх, как это обычно делали индейцы, приветствуя гостей.

— Мы рады вас видеть, — ответил лидер четверки, стерев пот со своего лица.

— Да? Слава Богу! Он меняет людей, ведь в прошлый раз вы были другого мнения.

— Вы имеете в виду то, что было в 1996 году?

— Да! Именно это, — проповедник улыбнулся.

— Да, к этой встрече вы основательно подготовились, — сказал один из ученых, указывая взглядом на присутствующих журналистов.

— А у вас какие-то секреты от народа? — пастор не переставал улыбаться, что очень раздражало оппонентов.

— Ну что вы! — На лице ученого показалось некое подобие улыбки. — Может, самая малость.

— В первую очередь хочу вас предупредить, вот эта камера вещает в прямом эфире, и все оскорбленные в девяносто шестом году жители города с нетерпением ждут ваших извинений. Далее мы продолжим беседу.

— Хорошо, мы приносим свои извинения, так как сами многого не понимали, — заявил лидер четверки. — Вы должны нас понять, наука без фактов не могла признать существование Бога и полной достоверности Библии, и внезапное изменение города нам казалось аномальным, но сегодня мы многое поняли и публично просим у вас прощения. Вы принимаете наши извинения?

— Конечно же, мы вас простили, и очень давно! А теперь поговорим о вашем деле. Я не до конца понимаю, что привело вас сюда в предрождественские праздники, какие срочные дела заставили вас покинуть столицу? Ваш утренний звонок взбудоражил мое любопытство.

— Дело в том, что киевский институт да и вообще человечество в целом нуждается в ваших знаниях. Мы хотели бы пригласить вас приехать к нам.

— ???

— У нас появились интересные исторические материалы, которые имеют прямое отношение к событиям, описанным в Ветхом Завете.

— К каким событиям и какие материалы?

— Извините, но это очень конфиденциальная информация. Мы обязательно ее предоставим, но только в Киеве, — профессор дал понять, что это никак не касается любопытных зевак с камерами, что еще больше раздражило их.

— Но чем я вам смогу помочь? У меня нет высшего образования, ученых званий и титулов, я НОВИЧОК в сфере исследования.

— Звания и титулы — это не то, что нам надо. Стране нужны ваши знания теолога-практика, а не профессора. Небольшой семинар ученых, который пройдет в Киеве на следующей неделе...

В это время произошло какое-то движение в среде журналистов. Телохранители напряглись. Одна из женщин, снимавшая происходящее на камеру, потеряла сознание и затряслась в конвульсиях. Поднялись шум и возня, все столпились возле женщины, а ее молодой коллега кинулся оказывать ей помощь. Со всех сторон послышалось слово «эпилепсия», которое волной шепота пробежало по окружающим.

— Кто-нибудь, вызовите медика! Ей нужна срочная помощь.

Как всегда бывает в таких случаях, начались паника и давка, мешавшие пастору пробиться к бедной женщине.

— Отойдите! — пробиваясь к центру, кричал он. Добравшись до женщины, он встал около нее на колени, взял ее за руку и, чтобы никого не шокировать, еле слышно, но очень твердо приказал: — Дух немощи, ВЫЙДИ вон!

Его повеление прозвучало так, будто он выгонял из дома мерзкого врага.

В ту же минуту женщина вскрикнула и конвульсии прекратились. Она открыла глаза и приподнялась. Сев на одно колено, она не могла встать на ноги.

— Спасибо, — робко проговорила журналистка.

— Иисуса благодари, больше не бойся, болезнь ушла навсегда.

После этих слов что-то коснулось ее сердца, она снова при села и расплакалась. Большинство репортеров убежали из зала, стремясь первыми дать в эфир эти чудесные кадры. Другие, не верившие в реальность увиденного, расспрашивали друг друга, действительно ли женщина была больна или это мастерская игра.

— Поэтому мы и приехали именно к вам! — обретя дар речи, заговорил старший профессор, а остальные закивали головами.

Журналисты, затаив дыхание, ждали ответа пастора.

— Именно по этой причине я никуда и не поеду. Я пастор, а не ученый, я нужнее тут! — Немного подумав, он добавил: — Тем более на праздники приезжает из Англии моя дочь, которую я очень давно не видел, и есть еще много других причин, которые никак не позволят мне посетить ваш город, даже если бы я этого сильно хотел. А теперь извините! — Он встал с колен, оставив женщину наедине с ее новыми впечатлениями и слезами радости, и направился к выходу.

— Это касается Парадиза! — долго сомневаясь, выпалил профессор. Он придерживал это напоследок, как козырь, ожидая нужного момента. Это произвело ожидаемый результат. Пастор на мгновенье остановился, но, не повернув головы и явно прилагая усилия, вышел.

— Виталий Андреевич, мой телефон будет у вашего секретаря, — крикнул вдогонку ученый.

Со всех сторон к нему кинулись журналисты с вопросом о Парадизе, но профессор ничего не отвечал. Он улыбнулся и про себя подумал: «Он позвонит. Он точно позвонит!».

* * *

За окном тихо кружилась метель, несмотря на то что была середина сентября. Этот край России привык к ранним зимам. Возле окна сидела молодая женщина. Укутавшись в пуховый

платок, она смотрела в предрассветную даль и о чем-то думала. Не отрывая взгляда от окна, девушка наклонила голову и оперлась на левую руку. На подоконнике нежно мерцала тонкая лучина, оставаясь единственным источником света и тепла, так как огонь в камине погас и угли бедно тлели в очаге. Она подержала немного озябшие пальцы над маленьким огоньком лучины, открыла общую тетрадь, и строчки непроизвольно потекли из-под пера чернильной ручки, оставляя красивый след правильного почерка.

16 сентября 1983 года.

Прошло всего три дня, я уже ненавижу это место. Меня угнетает здешний холод и тьма. Анатолий вчера ушел на охоту — и его до сих пор нет. Страх пронизывает меня со всех сторон. Я чувствую его тонкие пальцы, вбившиеся в мою грудь. У меня нет сил молиться, и это меня пугает больше всего. Страх завладел мной. Я боюсь всего и всех. А вдруг нас найдут и здесь. Сколько еще наших осталось в живых...

Я стараюсь поменьше думать об этом, но мысли бесцеремонно лезут в голову. Нам пообещали, что заберут на следующей неделе и мы сможем покинуть этот проклятый Союз...

Я закрываю глаза и вижу, как гуляю по улицам Парижа. Молодые девушки предлагают мне купить свежие розы, а красавицы-француженки прославляют в серенадах этот город капризов и фантазий.

Я вижу бабушку. Счастливая. Живет, горя не знает и не ведает, как мы мучаемся. Мы изгой в этом мире. В мире атеизма и тоталитарного режима. Зачем я это пишу — не знаю. Может, спустя пару лет, когда мы все забудем эту ужасную экспедицию, я достану свои записи, перечитаю и подумаю, какой жуткий кошмар мне приснился?

Говоря о кошмаре! Малыш проснулся сегодня от страшного сна и бредил. Не знаю, что произвело на сына

неизгладимое впечатление: долгое отсутствие отца, стремительный переезд или новости, пришедшие по «волне смерти». Я называю ее так с той минуты, как Анатолий настроил радиоустановку и по тайной волне, известной только членам экспедиции, пришли сообщения о гибели сразу пяти семей, участвующих в этом фатальном походе.

И вот теперь среди ночи душераздирающие крики моего сына. Он не мог ничего сказать, лишь только отдельные фразы, выкрикиваемые в бреду. Из всего я разобрала только — «страх», «песок» и «черный всадник». Ребенок указывал пальцем в сторону двери и словно не спал. Он спрашивал у меня, слышу ли я стук копыт высокого черного коня. Малыш так вспотел, что его одежда была насквозь мокрая. Потом он успокоился так же внезапно, как и пробудился, и снова заснул. Может, Толя сможет мне объяснить видение шестилетнего мальчика.

Если честно, теперь я ненавижу себя за то, что убедила Анатолия взяться за это дело...

Я слышу шум у дверей...

О! Слава Богу — это вернулся Анатолий, допишу вечером перед сном...

Если Господь раньше не заберет мою душу!..